

УДК 130.2:2-14
ББК 83.3(2)53:87.3(2)522

Рычков Александр Леонидович
Россия, Москва, e-mail: vp102243@list.ru

Александр Блок между Аничковым и «Евгением Васильевичем»

*Статья вторая**

Представлен сопоставительный анализ личных и творческих взаимоотношений А.А. Блока и Е.В. Аничкова. Прослежено формирование убеждений Аничкова как ученика и последователя А.Н. Веселовского. Рассмотрены сочинения Аничкова, в которых усматривается преемственная связь с эстетическим учением и историософией Владимира Соловьева. Показано, что в работах периода эмиграции он уделял пристальное внимание средневековым эсхатологическим контекстам этой историософии, и прежде всего «христианской мифологии» и хилиастической доктрине Иоахима Флорского о третьей эпохе Св. Духа. Указывается на близость исследовательских тем сочинений Аничкова периода эмиграции с рядом средневековых сюжетов драмы А.А. Блока «Роза и Крест», относящихся к эсхатологической и альбигойской проблематике. Делается вывод о герменевтической продуктивности рассмотрения символических смыслов драмы с привлечением этих сочинений. Обосновывается гипотеза, что поздние работы, которые относятся к французскому Средневековью, отражают научные интересы и круг личных убеждений Е.В. Аничкова, являвшегося консультантом Блока по проблемам французского Средневековья в период написания драмы «Роза и Крест». В Приложении к статье в исследовательский оборот впервые вводится полный текст выписок Блока из диссертации Аничкова, сохранившийся в Отделе Рукописей Института русской литературы РАН, а также даются необходимые комментарии.

Ключевые слова: *драматургия А.А. Блока, драма «Роза и Крест», труды Е.В. Аничкова, научное наследие А.Н. Веселовского, русский символизм, христианская мифология, эсхатология французского Средневековья, религиозная философия, историософия Вл. Соловьева*

Rychkov Aleksandr Leonidovich
Russia, Moscow, e-mail: vp102243@list.ru

Alexander Blok between Anitchkov and «Yevgeny Vasilievich»

Article two

The article represents the comparative analysis of personal and creative mutual relations of A.A. Blok and E.V. Anitchkov. The research shows the formation of Anitchkov's beliefs as a disciple and follower of A.N. Veselovsky. Anitchkov's works are considered in the context of successive connection with aesthetic study and historiosophy of Vladimir Solovyov. It is revealed that in his works during the immigration period he paid close attention to the medieval eschatological contexts of this historiosophy

© Рычков А.Л., 2020

Соловьевские исследования, 2020, вып. 3, с. 107.

* Статья первая – см. сноску 1 в настоящей статье.

and foremost “Christian mythology” and chiliastic doctrine of Joachim of Flora about the third age of the Holy Spirit. It is indicated that Anitchkov’s research subjects during the immigration period are similar to the several medieval plots of A. Blok’s drama “The Rose and the Cross”, which are attributed to the eschatological and Albigenian problematics. The conclusion is made that hermeneutic analysis of the symbolic meanings of the drama based on these works is productive. The hypothesis is substantiated that the late works that can be attributed to the Middle Ages in France represent Anitchkov’s scientific interests and a circle of personal beliefs, and he was A. Blok’s consultant on the Middle Ages in France while he was working on the drama “The Rose and the Cross”. The full text of extracts made form Anitchkov’s works by A. Blok that was saved in the Manuscript Division of the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences is represented for the first time in the appendix of the article with necessary comments.

Keywords: *Dramaturgy of A.A. Blok, Drama “The Rose and the Cross”, E.V. Anichkov’s works, academic heritage of A.N. Veselovsky, Russian symbolism, Christian mythology, eschatology of the Middle Ages in France, religious philosophy, Vl. Solovyev’s historiosophy*

DOI: 10.17588/2076-9210.2020.3.107-120

В предшествующей статье цикла¹ был рассмотрен вопрос о роли идей и личности Вл. Соловьёва в житнетворчестве А. Блока на примере драмы «Роза и Крест» (далее – *PK*) как одного из ключевых произведений в наследии поэта. Сделан вывод, что события религиозно-политического кризиса эпохи альбигойских войн, отраженные в драме, являются ключом к ее подспудным, мистериальным смыслам. Отмечены общие черты, увиденные Блоком в кризисе этого периода и в современной ему эпохе. В связи с чем поднят вопрос о том, насколько данный «кризисный ракурс» вовлечен в соловьёвский контекст творчества Блока. Продолжим рассмотрение этого вопроса, исходя из того, что тринитарная софийная историософия Вл. Соловьёва, на которую опирались младосимволисты, включает в свои основания, наряду со сравнительно хорошо исследованным влиянием на неё раннехристианской софийной мифологии и немецкой романтической философии, также и (в меньшей степени изученные) средневековые эсхатологические контексты этой историософии, в особенности такие, как легенды и апокрифы средневековой «христианской мифологии», а также тринитарный хилиазм Иоахима Флорского и последовавших за ним спиритуалов, ожидавших воцарения третьей силы («Третьего Завета»)². Эти контексты были не только известны Соловьёву, но и активно привлекались русскими символистами в своем творчестве.

В то же время аналогичные этим контекстам темы стали предметом долгосрочных научных интересов Е.В. Аничкова, близкого знакомого Блока и его консультанта по проблемам французского Средневековья в *PK*. В своё время В.М. Жирмунским были подробно исследованы записи Блока, сделанные после

¹ См.: Рычков А.Л. «Рыцарь-монах» и «Рыцарь-странник»: Вл. Соловьёв и драма А. Блока «Роза и Крест» // Соловьёвские исследования. 2013. Вып. 4 (40). С. 173–185 [1].

² Библиографию исследований и обсуждение темы «иоахимизм и Вл. Соловьёв» см.: Рычков А.Л. Владимир Соловьёв и антихристы Иоахима Флорского // Соловьёвские исследования. 2018. Вып. 3 (59). С. 6–42 [2].

консультации с Аничковым на начальном этапе работы³. Однако записи были воспроизведены и обсуждены Жирмунским не в полном объеме, в связи с чем в Приложении к настоящей статье приводится полный текст выписок А. Блока из книги Е.В. Аничкова «Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян» (Ч. 1–2. СПб., 1903–1905) с необходимыми комментариями.

Кроме того, *РК* создавалась Блоком на протяжении двух лет, в течение которых встречи и обсуждение волновавших ученого и поэта тем несомненно продолжались. Потому представляется закономерным уделить специальное внимание относящемуся к французскому Средневековью кругу личных убеждений и научных интересов Аничкова (как отмеченных, так и не отмеченных в записях Блока), поскольку он отражает тот научный контекст представлений об эпохе, который Блок, по многочисленным свидетельствам, с особенной щепетильностью стремился учесть при написании своей драмы⁴.

Где кончается Рёрих, там начинается Аничков

Филолог-фольклорист, историк литературы, теоретик символизма и критик Евгений Васильевич Аничков (1866–1937) известен также как один из наиболее последовательных и глубоких учеников школы А.Н. Веселовского. Начатые Аничковым под руководством Веселовского исследования были продолжены в период его эмиграции 1920–1930-х гг. и в основном посвящены французскому Средневековью⁵. При этом опиравшаяся на теорию заимствований специфическая тематика фольклористических изысканий Аничкова в области внецерковной христианской мифологии, отраженная в его многочисленных зарубежных публикациях, не только продолжает идеи и труды учителя⁶, но и во многом перекликается со средневековыми темами в творчестве Блока. Эта перекличка приводит к закономерному вопросу о возможной роли Аничкова, близкого знакомого Блока, в качестве «авторизированного» посредника рецепции в творчестве поэта ряда идей и специфических тем Веселовского, труды которого Блок читал и читал и к которому не раз апеллировал в своих статьях и рецензиях⁷.

³ См.: Жирмунский В.М. Драма Александра Блока «Роза и крест». Литературные источники // Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. М., 1977. С. 244–322 [3].

⁴ Подр. см.: Пискарев В.А. А. Блок и европейское Средневековье: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Иваново, 2007 [4].

⁵ Подр. см.: Рычков А.Л. Разыскания А.Н. Веселовского по религиозному фольклору в критическом осмыслении Е.В. Аничкова 1920–1930-х гг. // Наследие Александра Веселовского в мировом контексте. Исследования и материалы. М.; СПб, 2016. С. 157–195 [5].

⁶ Об этом направлении исследований Веселовского см. подробнее главу «А.Н. Веселовский о мифе: комплексная программа филологических исследований» в монографии: Топорков А.Л. Теория мифа в русской филологической науке XIX века. М., 1997 [6].

⁷ Так, известна рецензия Блока на книгу А.Н. Веселовского «В.А. Жуковский. Поэзия чувства и “сердечного воображения”» (1904). В написанной по предложению Аничкова статье «Поэзия

Известно, что Аничков был не только последователем школы А.Н. Веселовского в своих научных трудах, но и стремился донести взгляды учителя до круга поэтов-модернистов Серебряного века. Так, в 1909–1910 гг. Аничковым был прочитан курс «Поэтика Веселовского» в так называемой «Академии поэтов» – «Обществе ревнителей художественного слова», заседавшем в редакции журнала «Аполлон». В 1912 г. Аничков выступает в качестве научного консультанта А. Блока, с которым поэт «часто и много беседовал на самые разные, профессиональные и общечеловеческие темы в период создания драмы»⁸. В «Рабочей тетради» Блока сохранился конспект первой консультации, в котором имя Веселовского не упомянуто (что вызвало закономерное удивление уже у первого публикатора конспекта – В.М. Жирмунского). Однако товарищеские и семейные встречи Блока и Аничкова продолжались и после этой консультации, так что мы можем попытаться обозначить круг их возможных и относящихся к драме тем, исходя из объединявших Блока и Аничкова интересов относительно христианского Средневековья, а также обратившись к публикациям ученого, продолжающим и развивающим идеи исторической поэтики Веселовского, дополненные историко-культурным опытом акад. Г. Париса, у которого Аничков учился в Париже.

Аничков познакомился с А.Н. Веселовским и его семьей летом 1883 г. (в 17 лет). И с тех пор быстро стал своим человеком в усадьбе и доме профессора. Уже в то время он глубоко заинтересовался работами Веселовского в области христианской мифологии с ее легендами и апокрифами. Этот интерес во многом определил его дальнейшую научную деятельность как ученика Веселовского, опубликовавшего о своем учителе немало воспоминаний. В написанных в Скопье неопубликованных мемуарах «В прежней России и за границей» – о своем знакомстве с А.Н. Веселовским Аничков писал: «Кто сыграл в моей жизни большую роль, чем он? <...> [Р]аз я спросил его, читал ли он Ренана. Ответ был такой: “Ренан интересовался только тем, что было в самой церкви, а вне церкви?”. Вне церкви? Христианство вне церкви! Ведь это брошенное замечание для юного ума было целым откровением. <...> Я поступил в Университет, чтобы стать его учеником. В сущности, я им уже был. <...> [Т]о, чем занят Ал<ександр> Ник<олаевич Веселовский> и чему я от него научусь, это совсем не великие писатели там, на Западе, не Сервантес, Шекспир, Гете... Другое. Очевидно существует еще какая-то особая, совсем иная, мало кому доступная литература прологов, легенд, обрядов, какого-то христианства вне церкви. <...> [П]робивалась брешь в самый оплот романтически-буслаевских истолкований: <...> на место мифологии языческой всплывала “христианская мифология” с ее легендами, апокрифами, обрядами, странными причудами ве-

заговоров и заклинаний» (1906) Блок опирается на работы А.Н. Веселовского «Из введения в историческую поэтику» (1894) и «Дуалистические поверия о мироздании» (1889).

⁸ Приходько И.С. Мифопоэтика А. Блока: (Историко-культурный и мифологический комментарий к драмам и поэмам). Владимир, 1994. С. 48 [7].

рований и представлений. И этих-то совсем новых теорий становится пламенным поборником тот мальчик <молодой Е.В. Аничков. – АР>».⁹

В конечном итоге приват-доцент кафедры западно-европейских литератур в Санкт-Петербургском университете с 1902 г., а с 1908 г. – профессор Петербургского психоневрологического института по всеобщей литературе и эстетике Е.В. Аничков стал уникальным для своего времени специалистом в области сравнительного литературоведения и христианской мифологии с ее легендами и апокрифами. Его познания в мистической и апокрифической тематиках средневековой литературы, относимых Аничковым к «христианству вне церкви», снискали интерес и уважение в околосимволистских кругах Петербурга. В особенности на «Башне» Вяч. Иванова, с которым Аничков был очень дружен. В 1905 г. А.М. Ремизов записал в позднее опубликованных им заметках «На блокноте»: «13.10.<1905>. Среда у Вяч. Иванова. Коновод Аничков»; и там же (11.10.1905): «Н.К. Рёрих – знает всю доисторическую историю <...>. Проф. Е.В. Аничков, <...> ученик Веселовского: где кончается Рёрих, там начинается Аничков» [8, с. 49–50]. Впоследствии Ремизов пользовался советами и сочинениями Аничкова при переработке фольклорных и апокрифических произведений (в том числе богомильского происхождения). Представляется, что не без их влияния Ремизов именно в 1911–1912 гг. активно обсуждал с Блоком планы написать совместную «русалию» о Соломоне и Китоврасе, основываясь на книге А.Н. Веселовского «Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине» (1872 г.), с которой в этой связи мог частично ознакомиться также и А. Блок.

Блок и Аничков: pro et contra

«Я ясно помню, что первый раз ко мне пришел А.А. Блок в 1905 году; думаю, что это было осенью. С этого времени началась наша близость»¹⁰, – свидетельствует Е.В. Аничков. По инициативе Аничкова, который очень высоко ценил поэта¹¹, еще в студенческую пору Блок написал статью «Поэзия заго-

⁹ Архив САНУ (Сербской Академии наук и искусств, Белград). Историјска збирка број: 9259/8 и 9. Аничков Е.В. «В прежней России и за границей (Повесть о судьбах родины и себе самом)»: цитируются фрагменты Тетрадей 8 и 9 (Скопье, март-апрель 1933 г.). Автор статьи приносит благодарность проф. Корнелии Ичин (Белградский университет) за возможность ознакомиться с цитируемыми «Воспоминаниями» Е.В. Аничкова.

¹⁰ См.: Аничков Е. Черты из поэзии А.А. Блока // Аничков Е. Пьесы. Рассказы. Статьи. Белград, 2015. С. 223 [9].

¹¹ По свидетельству М. Бекетовой, «Александра Александровича он <Аничков> любил» (Бекетова М.А. Воспоминания об Александре Блоке. М., 1990. С. 100 [10]). В эмиграции Аничков обратился к анализу лирики Блока (см.: Аничков Е.В. Новая русская поэзия. Берлин, 1923. С. 90–106 [11]). Аничков прочел 26 мая 1937 г. в Белграде лекцию «Черты из поэзии А.А. Блока», где признал: «Вячеслав Иванов и Александр Блок, оба для меня, каждый по-своему, сопряжены в одно и

воров и заклинаний» (1906 г.) для редактируемой ученым «Истории русской литературы». Аничков хотел привлечь Блока к дальнейшему участию в издании, предлагая взяться и за другие статьи, однако эти темы не входили в круг интересов поэта, и тот отказался. Тем не менее их творческие контакты, товарищеское соучастие¹², встречи в семейном кругу, а также общение на литературные и филологические темы с той поры не прекращались.

С другой стороны, известно также, что Блок предпочитал держаться в личном общении с Аничковым на определенной дистанции, поскольку излишне вычурные, прожектерские и «салонные» черты его характера временами очень раздражали поэта, что нашло отражение в дневниковых записях и даже насмешливом шарже на устроенный по парижскому ладу салон Аничковых¹³ для «общества светской сволочи», «светских дур, надутых ничтожеств», от которых Блоку «мерзко. Бедный Аничков»¹⁴. Эти редкие записи создали в блоковедении, как представляется, ложное клише о неприязненном отношении Блока к Аничкову, возникшее в связи с резко негативными блоковскими отзывами о проведенном 1 января 1913 г. медиумом Я. Гузиком в салоне Аничковых сеансе спиритизма, а также в связи с неудачным завершением поддержанного Блоком предприятия Аничкова по созданию нового символистского журнала. В этот период, по глубокому наблюдению З.Г. Минц, Блока раздражает «поверхностно-оптимистический настрой Евг. Аничкова, не чувствовавшего ни в жизни, ни в литературе того, что было в эти годы для Блока главным, – холодной мертвенности “страшного мира” и “печального лица” человека, гибнущего на снежном бездорожье эпохи»¹⁵. 14 ноября 1911 г. Блок записывает характерный пример различий в «оптике» восприятия мировых событий между ним и Аничковым: «Аничков раз добродушно сказал мне (этим летом): “Вы узко мыслите. Цусима – неважное событие. С Японией воевала не Россия, а Европа”. Так думают все офицеры» [14, с. 89]. «Так и мы: позевываем над желтой опасностью, а *Китай уже среди нас*» [14, с. 89], – комментирует Блок, для которого гибель русской эскадры при Цусиме стала важным знаком исполнения пророчеств Вл. Соловьева о конце европейской истории и роли России в противостоянии «угрозе с Востока». Знаком, не различенным Аничковым, который не видит то, что в ту пору казалось Блоку реальностью: как у «страшного мира» «гниют ни-

то же самое особенно дорогое духовное переживание. И <...> составляют для меня два самых крупных и значительных явления русской цивилизации начала XX века» [9, с. 220].

¹² Так, Блок был распорядителем банкета-чествования Аничкова 27 ноября 1909 г. по случаю его выхода из тюрьмы, о чем сообщал матери в письме от 29 нояб. 1909 г.: «Лучшее, что было за эти дни – обед, который мы устроили Аничкову, <...> была минута очень трогательная, и притом по настоящему, а не по случаю выпивки» (см.: Блок А.А. Письма // Блок А.А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. М., 1963. С. 297–298 [12]).

¹³ А.А. Блок – Л.Д. Менделеева-Блок. Переписка 1901–1917. М., 2018. С. 335, 682 [13].

¹⁴ Блок А.А. Дневники // Блок А.А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. М., 1963. С. 202–203 [14].

¹⁵ Минц З.Г. Переписка с Вл. Пястом / Вступ. ст. // Александр Блок. Новые материалы и исследования. М., 1981. Кн. 2. С. 183 [15].

ти швов изнутри (“преют”), а снаружи остается еще видимость», – и потому, с точки зрения Блока, Аничков «ничего не понимает» [14, с. 89].

О вызванном такой «экзистенциальной» несовместимостью дистанцировании от Аничкова-«общественника», но не высокоэрудированного филолога своей эпохи – Блок писал участвовавшему в проекте символистского журнала В.А. Пясту (письмо от 23 янв. 1911): «Знаете, я восстановился против Аничкова. Не против Евгения Васильевича, а против “Аничкова”. Итак – бесконечно холодно в человеческих сердцах. <...> Отчего Аничков и в революции, и без революции всегда одинаково выкидывает с кафедры слова, как пух из перины? – Он ужасно, ужасно доволен собой» [12, с. 328]. Аничков-литератор и «представитель от искусства» в «бюрократии общественной» [14, с. 73], которому «хочется породниться с бомондом, <...> смесь гусарского корнета с Максимом Ковалевским (!)», такой «Аничков опротивел, прости меня господи. <...> Завален делом, неприятен, ничего не понимает» [14, с. 71], – записывает Блок в дневнике 17 октября 1911 г.

Однако вскоре поэт штудирует статьи и книги Аничкова¹⁶ (особенно, в связи с работой над *РК*) и отмечает беседы, состоявшиеся с «Евгением Васильевичем», очевидно продолжая следовать тому внутреннему разделению на «двух Аничковых», о котором сообщал Пясту в цитированном письме. Так, буквально через месяц после цитированной записи, 22 ноября 1911 г. Блок пишет в том же дневнике: «Пришли Аничковы. Евгений Васильевич был блестящ; <...> Я спорил с ними весь вечер; конечно, как всегда, о славянстве, о “желтизне”, о религии» [14, с. 96].

Нашей последующей задачей станет анализ круга убеждений и средневековых филологических тем Аничкова, которые Блок мог оставить за рамками своего скептического взгляда на неприемлемые им черты характера «Аничкова-человека», относя к первым уважительное: «Евгений Васильевич». И, соответственно, составить для Блока письменный и устный контекст научных представлений Аничкова, под общепризнанным блоковедами влиянием которого создавалась *РК*.

*«Настало время, когда выразителем русской эстетики
оказался Владимир Соловьев»:
встреча Блока и Аничкова в историософии Вл. Соловьева*

Как и Блок, Аничков был убежденным последователем Вл. Соловьева, считая его идеи наиболее отвечающими современным эстетическим веяниям в искусстве. Спустя два года после завершения Блоком драмы на средневековый сюжет в журнале «Вопросы теории и психологии творчества» Аничков публи-

¹⁶ Так, подаренный в 1910 г. Блоку сб. статей Е.В. Аничкова «Предтечи и современники» (СПб., 1910) с дарственной надписью: «Дорогому Александру Александровичу Блоку эти Предтечи и современники шлются с любовью, автор. 2 дек. 1910», – содержит многочисленные пометы Блока (см.: Библиотека А.А. Блока. Описание: в 3 кн. Л., 1984. Кн. 1. С. 10 [16]).

кует «Очерк развития эстетических учений» с пространной главой «Судьба эстетики в России. Владимир Соловьев и “новые веяния”», где критикует эстетику шестидесятников и подробно описывает ее закономерную смену эстетикой Вл. Соловьева и символистов: «новые веяния в искусстве, написавшие на своем знамени: символизм, спасли русское искусство от того доподлинного упадочничества, в какой извратилась народническая эстетика 60-ых. <...> Настало время, когда выразителем русской эстетики оказался Владимир Соловьев» [17, с. 216]. Вл. Соловьев и “новые веяния” символизма – таков, по мнению Аничкова, следующий этап русской эстетики, которая обратилась к средневековому мистицизму (его возрождение «было уготовано Вл. Соловьевым») и «тому самому великому ожиданию религиозного искусства, которое виделось Вл. Соловьеву в его пророческих чаяниях»¹⁷. В своеобразном аналитическом обзоре истории русской эстетики Аничков объявляет философа основателем новой русской религиозно-реалистической эстетики и выделяет два этапа ее развития: «от Чернышевского до Льва Толстого – таков первый этап русской эстетики; Владимир Соловьев и “новые веяния” – таков второй»¹⁸. По мнению Аничкова, к эпохе Возрождения метафизически-трансцендентный идеализм христианского Средневековья постепенно затухает, а затем и вовсе секуляризуется. Поэтому подлинное понимание литературы Средних веков невозможно вне учета метафизической специфики ее религиозного мистицизма – этой «средневековой мудрости», утраченной в последующие эпохи. Западный позитивизм, воспринимающий лишь «положительное знание» точных наук и соответствующей «положительной философии», окончательно сводит счеты с религиозно-метафизическим мировоззрением, но «эта-то схема была отнюдь не приемлема для Вл. Соловьева»¹⁹, вернувшего истинно сущее – божественному плану и его реальности, что перенял новый реализм художественной эстетики символизма в лозунге «от реальности – к вечно сущему». Потому «Вл. Соловьев <...> всем складом своих религиозно-философских построений – учитель лучших представителей “новых веяний”. Александр Блок – прямой, непосредственный последователь Вл. Соловьева»²⁰. По всей вероятности, вспоминая недавнюю работу с Блоком над *РК*, о которой с 1913 г. не раз рассказывал в публичных выступлениях²¹, Аничков обосновывает актуальность обращения поэта к средне-

¹⁷ См.: Библиотека А.А. Блока. Описание: в 3 кн. С. 219.

¹⁸ Там же. С. 216.

¹⁹ Там же. С. 212.

²⁰ Там же. С. 217.

²¹ Так, 27 ноября 1913 г. на вечере «Беседа о современном театре», где участвовал и Блок, Аничков произнес вступительную речь в защиту символистской драматургии, подробно остановившись на анализе *РК* (см.: Блок в неизданной переписке и дневниках современников (1898–1921) // Александр Блок: Новые материалы и исследования. М., 1982. Кн. 3. С. 425 [18]).

вековым сюжетам как продолжение эстетических идей Соловьева: «“Новые веяния” в лице своих наиболее глубоких выразителей, прежде всего религиозные, сознательно обратились к средневековому мистицизму. Так надо было. Возрождение <...> именно тех норм, что установили средневековые реалисты, было уготовано Владимиром Соловьевым. Оттого не случай, а закономерность надо видеть в том, что к средневековью тянет наиболее сознательного последователя Вл. Соловьева, Александра Блока» [17, с. 217–218].

В этом эстетическом очерке, составленном Аничковым на основе лекций и выступлений начала 1910-х гг., емко означен круг тем, обсуждавшихся в близком ему кругу символистов уже в период написания Блоком драмы *PK*, и несомненно знакомый Блоку в части ученого мнения своего консультанта по французскому Средневековью о соловьевском измерении религиозного мистицизма его средневековой драмы.

О «соловьевском измерении» мистицизма русских символистов в его связи со средневековыми течениями религиозной реформации и западного эзотеризма Аничков писал впоследствии, обращаясь к теме «совершенной любви» в символистской поэзии, преемствуемой, по его мнению, через Вл. Соловьева и Данте от «*fin amor*, воспетому трубадурами Прованса, этими учениками схоластиков и проповедников альбигойских изводов манихейства. От них научились итальянцы. <...> [Э]та *fin amor* схоластиков и трубадуров: через нее уже, как сквозь распахнувшиеся врата, уготован <...> путь, ведущий ко всем духовным видам любви. Владимир Соловьев, с такой отчетливой проникновенностью уже выразил эту сердечную связь любовных алканий в “Трех Свиданьях” <...>. Так явилась уже раньше русскому сознанию некая теория, вышедшая не из “математической головы”, а из просветленного сердца поэта» [11, с. 55–56]. По мнению Аничкова, вслед за Соловьевым, эту преемственную связь услышал и Блок: «Драма “Крест и Роза”, такая западная, понявшая неизбежный европеизм христианства <...> – последнее и высшее умственное достижение Блока» [11, с. 104]. «Западной» Аничков именуется *PK* в связи с происхождением основных христианских тем драмы, восходящих к *fin amor* провансальской куртуазной культуры, порожденной, по его мнению, трубадурами как проповедниками альбигойского учения. Об этом своем убеждении, которому в эмиграции он посвятит целый ряд научных статей, Аничков писал и значительно раньше, например в 1909 г. (т.е. еще до консультации с ним Блока по драме *PK*): «трубадуры средних веков <...> были воспитаны по церковному и сильно затронуты альбигойской ересью»²².

²² См.: Аничков Е.В. Реализм и новые веяния. СПб., 1909. С. 48 [19]. Работа вошла в книгу «Предтечи и современники на Западе и у нас» (1910 г.), подаренную автором Блоку и содержащую его пометы (см.: примеч. 16).

Таким образом, представляется, что научные публикации Аничкова содержат герменевтически ценные указания для исследователей творчества Блока и младосимволизма в целом. Впервые на это обратил внимание британский славист Л.Р. Льюиттер, который посвятил *PK* специальное исследование, где предпринял попытку рассмотреть ряд сюжетных линий и исторических коллизий «пьесы на средневековые темы» в ракурсе более поздних тематически сходных научных статей Аничкова о культуре французского Средневековья. По заключению исследователя: «В более поздней работе Аничкова “Пережитки манихейства в славянских и западных странах” (Aničkov E. Les survivances manichéennes en pays slave et en Occident, *Revue des études slaves*. 1928. Vol. VIII (3–4), pp. 203–225) может быть найден ключ первостепенной важности для понимания пьесы Блока. Возможное возражение о том, что результаты исследования неоманихейства, катаризма и богомилства в средневековой Европе были опубликованы Аничковым спустя много лет после смерти Блока и не могли повлиять на его пьесу, безусловно, должно быть отмечено, если учесть, как долго могут вынашиваться идеи в научном мире» [20, с. 446].

Мнение Льюиттера находит новое подтверждение, если иметь в виду, что участие Аничкова в I Мировой войне, а затем обустройство гражданской жизни в эмиграции на многие годы приостановили развитие его научной мысли²³. Другим свидетельством правомерности предложенного Льюиттером подхода служит отмеченная исследователями связь научной, эстетической и эзотерической позиций автора в его научных публикациях. Исследователь и публикатор литературного наследия Аничкова сербский славист К. Ичин отмечает: «Для него, как человека нового поколения, разделявшего символистское мировоззрение, важно было сохранить “реалистический символизм” в искусстве и науке, т.е. реализм, предполагающий в своей основе “ноуменальное” или, согласно Вячеславу Иванову, “реальнейшее” бытие» [22, с. 6].

Предложенный Льюиттером подход показывает себя герменевтически продуктивным при восстановлении отношения Аничкова к различным аспектам религиозно-исторического фона *PK* и, вероятно, может быть также распространен на поздние статьи Аничкова, в том числе посвященные легенде о Св. Граале. Тема христианского символизма этой легенды, поднятая А.Н. Веселовским в диссертационной монографии «Славянские сказания о Соломоне и Ки-

²³ «В начале войны пошел добровольцем на фронт в качестве запасного кавалерийского офицера. С русским экспедиционным корпусом был послан во Францию. После распада русской армии перешел во французские войска и был послан на Салоникский фронт. По окончании войны приехал в Югославию, где служил в качестве профессора сначала в Белградском, а с 1926 г. – в Скоплянском Университете» (см.: Мошин В.А. Славянство, Русь и Византия в трудах Е.В. Аничкова, 1866–1937. Некролог // *Slavia*. 1939. Т. XVII, no 1–2. С. 300 [21]).

товрасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине» (СПб., 1872) и рассмотренная далее в цикле специально посвященных проблематике Св. Грааля работ 1880–1901 гг., волновала также на протяжении всей научной деятельности и Е.В. Аничкова²⁴. В эмиграции Аничков написал более десятка работ о рецепции идей катаризма и иоахимизма в легенде о Св. Граале на примере цикла «Ланселот-Грааль», где одним из первых указал, что в этом цикле символически описан путь-инициация Ланселота. Подобным образом оказывается выстроена в *РК* и история рыцаря Бертрана, поскольку Блок обратился к тому же источнику еще до консультации у Аничкова и, в итоге, романый субцикл о «Ланселоте Озерном» становится для него главным литературным первоисточником мистериального, «посвятительного» сюжета драмы²⁵.

Обобщающим трудом стала опубликованная в 1931 г. на французском языке монография *Joachim de Flores et les millieux Courtois*, где Аничков подробно обсуждает взаимовлияния между учениями Иоахима, катаров и старофранцузской литературой о Граале²⁶. В особенности Аничкова интересуют версии прозаического «Ланселот-Грааля» из бретонского (артурианского) цикла в ракурсе источников и символизма легенды о Св. Граале. Аничков прочитывает «Ланселот-Грааль» как отражение мировоззренческого окружения (метафизического религиозного мистицизма) его предполагаемого создателя в начале XIII в. и приходит к выводу, что «автор Ланселот-Грааля проповедовал великую мысль о философском богословии истории в духе Иоахима Флорского»²⁷. Этот вывод служит убедительной иллюстрацией тезисов рассмотренного эстетического очерка: «Вся религиозно-нравственная система романного цикла, – по которой, как на предварительно устроенном сюжете, анонимный автор размещал все поэтизированные его предшественниками эпизоды, опасные приключения и психологические ситуации легенды о Св. Граале, – та же самая, как у Иоахима Флорского <...>. Легенда о Св. Граале относится исключительно ко второй эпохе и завершается началом третьей. <...> События повторяются: в пределах каждой из трех эпох совершается одно и то же развитие. Много раз является третья ипостась Троицы, Святой Дух, и мир слушает пророчество Третьей эпохи» [24, с. 532–534].

²⁴ См. об этом подробнее: Рычков А.Л. Разыскания А.Н. Веселовского по религиозному фольклору в критическом осмыслении Е.В. Аничкова 1920–1930-х гг. С. 166–180.

²⁵ См.: Рычков А.Л. К франкоязычным источникам мистериального сюжета драмы «Роза и Крест» (романный цикл «Ланселот Озерный») // Александр Блок: Исследования и материалы / ИРЛИ РАН; отв. ред. Н.Ю. Грякалова. СПб., 2020. Т. 6. С. 189–216 [23].

²⁶ Содержание книги показывает близость научных интересов Е.В. Аничкова с артурианскими мотивами *РК* (см. об этом подробнее: Рычков А.Л. К франкоязычным источникам мистериального сюжета драмы «Роза и Крест» (романный цикл «Ланселот Озерный»). С. 207, 211–214.

²⁷ См.: Anitchkof E. L'Ascensione del S. Graal, *Archivum Romanicum*. 1929. Vol. 13. P. 537 [24].

В «Заключении» своей книги об Иоахиме Флорском Аничков пишет о неминуемом возрождении его идей в современности: «Забвение лишь временно. Человечество, или, вернее, определенные круги, всецело принадлежащие новой эпохе, обращаются вновь к системам, теориям, произведениям искусства, которые, как казалось, давно остались в прошлом. Их возрождение помогает постичь смысл и ценность концепций, которые были скрыты от человечества на протяжении многих поколений. Возможно, все это можно сказать и об иоахимизме. После меня придут и другие люди, которым великий калабрийский пророк откроется в новом свете» [25, с. 422].

Убеждение в иоахимитском символизме «Ланселот-Грааля», развиваемое ученым в целом ряде работ, несомненно относится к тем самым «долго вынашиваемым идеям в научном мире», на герменевтическую значимость которых для исследователей творчества Блока указывал Л. Льюиттер. Оно представляет особый интерес в связи с той немаловажной ролью, которую сыграло в работе над *PK* обращение поэта к версии «Ланселот-Грааля», опубликованной П. Парисом. Рассмотренные нами представления Аничкова о «Ланселот-Граале» позволяют понять, о каком именно «соловьёвском измерении» религиозного мистицизма в *PK* писал Аничков в своем эстетическом очерке, и включают тринитарную соловьёвскую метафизику в контекст мистико-историософской подоплеки «подспудного» символизма *PK* в ракурсе соотнесения представитель двух эпох в итоговом тексте драмы.

Список литературы

1. Рычков А.Л. «Рыцарь-монах» и «Рыцарь-странник»: Вл. Соловьёв и драма А. Блока «Роза и Крест» // Соловьёвские исследования. 2013. Вып. 4(40). С. 173–185.
2. Рычков А.Л. Владимир Соловьёв и антихристы Иоахима Флорского // Соловьёвские исследования. 2018. Вып. 3(59). С. 6–42.
3. Жирмунский В.М. Драма Александра Блока «Роза и крест». Литературные источники // Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. М., 1977. С. 244–322.
4. Пискарев В.А. А. Блок и европейское Средневековье: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2007. 18 с.
5. Рычков А.Л. Разыскания А.Н. Веселовского по религиозному фольклору в критическом осмыслении Е.В. Аничкова 1920–1930-х гг. // Наследие Александра Веселовского в мировом контексте. Исследования и материалы. М.; СПб., 2016. С. 157–195.
6. Топорков А.Л. Теория мифа в русской филологической науке XIX в. М., 1997. 456 с.
7. Приходько И.С. Мифопоэтика А. Блока: (Историко-культурный и мифологический комментарий к драмам и поэмам). Владимир, 1994. 132 с.
8. Ремизов А.М. На блокноте // Ремизов А.М. Собр. соч. Т. 7. М., 2002. С. 44–58.
9. Аничков Е. Черты из поэзии А.А. Блока // Аничков Е. Пьесы. Рассказы. Статьи / подгот. текста и ред. К. Ичин. Белград, 2015. С. 220–233.
10. Бекетова М.А. Воспоминания об Александре Блоке. М., 1990. 672 с.
11. Аничков Е.В. Новая русская поэзия. Берлин, 1923. 142 с.

12. Блок А.А. Письма // Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 8. М., 1963. С. 7–539.
13. А.А. Блок – Л.Д. Менделеева-Блок. Переписка 1901–1917. М., 2018. 716 с.
14. Блок А.А. Дневники // Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 7. М., 1963. С. 19–426.
15. Минц З.Г. Переписка с Вл. Пястом / вступ. ст. // Александр Блок. Новые материалы и исследования. М., 1981. Кн. 2. С. 175–228.
16. Библиотека А.А. Блока. Описание: в 3 кн. Л., 1984. Кн. 1. 317 с.
17. Аничков Е.В. Очерк развития эстетических учений // Вопросы теории и психологии творчества. Харьков, 1915. Т. 6. С. 3–241.
18. Блок в неизданной переписке и дневниках современников (1898–1921) // Александр Блок: Новые материалы и исследования. М., 1982. Кн. 3. С. 153–539.
19. Аничков Е.В. Реализм и новые веяния. СПб., 1909. 87 с.
20. Lewitter L.R. The Inspiration and Meaning of Aleksandr Blok's «The Rose and the Cross» // *The Slavonic and East European Review*. 1957. Vol. 35, no 85. P. 428–442.
21. Мошин В.А. Славянство, Русь и Византия в трудах Е.В. Аничкова, 1866–1937. Некролог // *Slavia*. 1939. Roč. XVII, no 1–2. P. 300–304.
22. Ичин К. Предисловие // Аничков Е. Пьесы. Рассказы. Статьи. Белград, 2015. С. 5–9.
23. Рычков А.Л. К франкоязычным источникам мистериального сюжета драмы «Роза и Крест» (романный цикл «Ланселот Озерный») // Александр Блок: Исследования и материалы. СПб., 2020. Т. 6. С. 189–216.
24. Anitchkof E. L'Ascensione del S. Graal // *Archivum Romanicum*. 1929. V. 13. P. 519–538.
25. Anitchkof E. Joachim de Flores et les millieux courtois. Roma, 1931. 462 p.

References

1. Rychkov, A.L. «Rytsar'-monakh» i «Rytsar'-strannik»: Vl. Solov'ev i drama A. Bloka «Roza i Krest» [«Knight-monk» and «Knight-wanderer»: Vl. Solov'ev and A. Blok's drama «The Rose and the Cross»], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2013, issue 4(40), pp. 173–185.
2. Rychkov, A.L. Vladimir Solov'ev i antikhristy Ioakhima Florskogo [Vladimir Solovyov and Joachim of Fiore's antichrists], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2018, issue 3(59), pp. 6–42.
3. Zhirmunskiy, V.M. Drama Aleksandra Bloka «Roza i krest». Literaturnye istochniki [The Drama of Aleksandr Blok «The Rose and the Cross»: Literary sources], in Zhirmunskiy, V.M. *Teoriya literatury. Poetika. Stilistika* [Theory of Literature. Poetics. Stylistics]. Moscow, 1977, pp. 244–322.
4. Piskarev, V.A. *A. Blok i evropeyskoe Srednevekov'e*. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [Block and the European Middle Ages. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Ivanovo, 2007. 18 p.
5. Rychkov, A.L. Razyskaniya A.N. Veselovskogo po religioznomu fol'kloru v kriticheskom osmyslenii E.V. Anichkova 1920–1930-kh gg. [Apocryphal folklore in the studies of A.N. Veselovsky's and their critical rethinking in E.V. Anichkov publications (1920–1930 years)], in *Nasledie Aleksandra Veselovskogo v mirovom kontekste. Issledovaniya i materialy* [Heritage of Alexander Veselovskii. Studies and Materials]. Moscow; Saint-Petersburg, 2016, pp. 157–195.
6. Toporkov, A.L. *Teoriya mifa v russkoy filologicheskoy nauke XIX v.* [The Theory of Myth in Russian Philological science of the 19 Century]. Moscow, 1997. 456 p.
7. Prikhod'ko, I.S. *Mifopoetika Aleksandra Bloka: istoriko-kul'turnyy i mifologicheskii komentariy k dramam i poemam* [Mythopoetics of Alexander Blok: Historical, Cultural and the Mythological Comment to the Drama and the Poems]. Vladimir, 1994. 132 p.
8. Remizov, A.M. Na bloknote [On a notepad], in Remizov, A.M. *Sobranie sochineniy. T. 7* [Collected Works. Vol. 7]. Moscow, 2002, pp. 44–58.
9. Anichkov, E. Cherty iz poezii A.A. Bloka [Features from the poetry of A. A. Blok], in Anichkov, E. *P'esy. Rasskazy. Stat'i* [Plays, short stories, articles]. Belgrad, 2015, pp. 220–233.

10. Beketova, M.A. *Vospominaniya ob Aleksandre Bloke* [Memoirs of Alexander Blok]. Moscow, 1990. 672 p.
11. Anichkov, E.V. *Novaya russkaya poeziya* [The New Russian Poetry]. Berlin, 1923. 142 p.
12. Blok, A.A. Pis'ma [Letters], in Blok, A.A. *Sobranie sochineniy v 8 t., t. 8* [Collected works in 8 vol., vol. 8]. Moscow, 1963, pp. 7–539.
13. A.A. Blok – L.D. Mendeleeva-Blok. *Perepiska 1901–1917* [A.A. Blok – L.D. Mendeleeva-Blok. Correspondence 1901–1917]. Moscow, 2018. 716 p.
14. Blok, A.A. Dnevniky [Diaries], in Blok, A.A. *Sobranie sochineniy v 8 t., t. 7* [Collected works in 8 vol., vol. 7]. Moscow, 1963, pp. 19–426.
15. Mints, Z.G. *Perepiska s Vl. Pyastom. Vstupitel'naya stat'ya* [Correspondence with the Vl. Piast. Introduction], in *Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniya* [Alexander Blok: New materials and research]. Moscow, 1981, book 2, pp. 175–228.
16. *Biblioteka A.A. Bloka. Opisanie v 3 kn., kn. 1* [The Library of A.A. Blok. Description in 3 books, book 1]. Leningrad, 1984. 317 p.
17. Anichkov, E.V. *Ocherk razvitiya esteticheskikh ucheniy* [An essay on the development of aesthetics], in *Voprosy teorii i psikhologii tvorchestva* [Issues of theory and psychology of creativity]. Khar'kov, 1915, vol. 6, pp. 3–241.
18. Blok v neizdannoy perepiske i dnevnikakh sovremennikov (1898–1921) [Block in unreleased correspondence and diaries of contemporaries (1898–1921)], in *Aleksandr Blok: Novye materialy i issledovaniya* [Alexander Blok: New materials and research]. Moscow, 1982, book 3, pp. 153–539.
19. Anichkov, E.V. *Realizm i novye veyaniya* [Realism and new trends]. Saint-Petersburg, 1909. 88 p.
20. Lewitter, L.R. The Inspiration and Meaning of Aleksandr Blok's «The Rose and the Cross», in *The Slavonic and East European Review*, 1957, vol. 35, no. 85, pp. 428–442.
21. Moshin, V.A. *Slavyanstvo, Rus' i Vizantiya v trudakh E.V. Anichkova, 1866–1937. Nekrolog* [Slavism: Russia and Byzantium in the writings of E.V. Anichkov, 1866–1937. Obituary], in *Slavia*, 1939, vol. 17, no. 1–2, pp. 300–304.
22. Ichin, K. *Predislovie* [Introduction], in Anichkov, E. *P'esy. Rasskazy. Stat'i* [Plays, short stories, articles]. Belgrad, 2015, pp. 5–9.
23. Rychkov, A.L. *K frankoyazychnym istochnikam misterial'nogo syuzheta dramy «Roza i Krest» (romannyi tsikl «Lanselot Ozernyy»)* [To the French-language sources of the mystery plot of the drama «The Rose and the Cross» (novel «Lancelot the Lake»)], in *Aleksandr Blok: Issledovaniya i materialy* [Alexander Blok: Studies and Materials]. Saint-Petersburg, 2020, vol. 6, pp. 189–216.
24. Anitchkof, E. *L'Ascensione del S. Graal*, in *Archivum Romanicum*, 1929, vol. 13, pp. 519–538.
25. Anitchkof, E. *Joachim de Flores et les millieux courtois*. Roma, 1931. 462 p.